

Григорий Емельянов,
Наталья Емельянова

РАЗМЫШЛЕНИЯ В БОБРЕНЕВЕ

Душевное приветствие

...В Старое Бобренево мы заехали по пути из Егорьевска в Коломну. Строго говоря, карта советовала от села как раз-таки отворачивать — по пешеходному наплавному мостику через Москву-реку в Коломну не проедешь. Но, увидев на горизонте маяк Бобренева монастыря — белоснежный с небесно-голубым, — отворачивать уже совершенно не

хотелось. Тем более что и вид на Коломенский кремль из заречья открывался такой, что дух захватывало. Единогласно решили заехать.

Иллюзий по поводу того, чтобы попасть внутрь монастыря, особо не питали — полдень уже давно минул, на часах было что-то около четырёх вечера, в это время ворота тихих маленьких обите-

Таким Бобренев монастырь предстаёт путешественникам, подъезжающим к Коломне из-за Москвы реки

*А таким его видят горожане, направляющиеся
к монастырю через наплавной мост*

лей, как правило, уже закрываются от мира. Рассчитывали взглянуть хотя бы снаружи. После пяти минут нашего шмыганья туда-сюда с фотоаппаратом вдоль низеньких стен ворота чуть приоткрылись, и оттуда выглянул охранник. Зная на собственном опыте, как порой бывают неприветливы насельники (а более того — сторожа!) к «этим с камерами», морально готовимся к отповеди. Но тут нас ожидало приятное удивление.

— Вы заходите, смотрите, — говорит страж монастырских ворот. — Сейчас, правда, службы уже кончились, но что вы на улице-то? Поди ведь, издалека сюда ехали...

Воодушевлённые, заходим. У ног дружелюбного зрителя мурлы-

чет и трётся рыжий котофей. Вымощенные дорожки, аккуратные клумбы, ухоженные деревца — видно, что здешние обитатели трудолюбивы и любят свой монастырь. Небольшие изящные храмы — летний собор Рождества Богородицы, поставленный в XVIII веке на месте древнего, и XIX-го века тёплая церковь Феодоровской иконы Божией Матери: эстетика уже другая, но гармония поразительна. Всё вокруг дышит спокойствием и заботой — людей о доме Божьем, Бога о людях.

— Вы фотографируйте, не стесняйтесь, — вновь удивляет нас охрана, — у нас храмы красивые, отчего ж не сфотографировать...

От Коломны до Куликова

Богородице-Рождественский Бобренев монастырь был основан в далёком XIV веке. Легенды приписыва-

ют создание обители самому князю Дмитрию Боброку-Волынскому, советнику своего тезки Дмитрия Дон-

ХРАМ

ского «по стратегии» и командиру Засадного полка в Куликовской битве. Вроде бы обещал он, в случае победы над Мамаем, возвести на этом месте монастырь.

15 августа 1380 года идущие несколькими дорогами на юг русские войска сошлись в Коломне. Под знамена Дмитрия Ивановича встали воины из Владимира, Смоленска, Суздаля, Ростова, Брянска, Серпухова, Костромы, Галича, Пскова, Ярославля, Белозерска, Калуги... Новгород и Тверь, судя по всему, от участия в сражении воздержались, хотя пост-фактум были вписаны в летописные своды. Рязань и Литва союзничали с Мамаем. Оценить реальные силы сторон с наших современных позиций сложно, но по косвенным доказательствам на берегах Дона и Непрядвы сошлись 40–70 тысяч русских на 90–

150 тысяч татар и их союзниках. По-всякому выходит, что на одного нашего воина шло двое неприятельских.

Расклад был бы ещё хуже, если бы к Мамаю успели подойти Олег Рязанский и Ягайло со своими литовцами. Узнав об их приближении, Дмитрий Донской (возможно, без консультации со своим верным советником Боброком) решился на смелый, но в общем-то, вынужденный тактический рывок — русское войско перешло Непрядву и сожгло за собой мосты. С одной стороны, это не давало «литве» возможность вступить в битву на следующий день и поддержать Мамаю количеством и качеством; с другой стороны, русское войско вынуждено было сражаться за плацдарм вместо того, чтобы прикрыться естественной преградой, которую пришлось бы

Потрясающе простая и щемяще-выразительная аллея Славы на Куликовом поле. Памятники воинам из разных городов России, поставленные земляками-потомками. В центре — Дмитрий Донской

форсировать уже врагу, причём под огнём лучников.

Расчёт русских оправдался. Сеча была злая, татары смяли полк левой руки (коломенский передовой полк, принявший на себя первый удар, просто растаял). Но у Мамай не было резерва — Ягайло опоздал. А у русских он был — засадный полк во главе с Владимиром Храбрым (Серпуховским) и Дмитрием Боброком: воевода стоял в ключевой точке сражения. Видя гибель левого фланга, Владимир хотел было ударить немедленно, но Боброк его удержал: этот понятный с человеческой точки зрения душевный порыв мог бы дорого стоить, если б татары заблаговременно увидели угрозу и смогли перегруппироваться. Засадный полк атаковал чуть поз-

же, в тот момент, когда противник, увлечшись преследованием, подставил тылы.

Неожиданный удар свежей конницы был сокрушительным. Мамай понял всё — ещё до того момента, как первые русские дружинники врубались в его смешавшиеся тумены. Собрав манатки, он бежал с поля боя и уже не смотрел, как добивают его опрокинутых в реку всадников. Увидев сверкающие пятки полководца, побежали все, кто мог бежать. Судьба всей Руси решилась в невероятно скоротечной битве. Даже летописи, с их склонностью приукрашивать события, говорят о всего трёхчасовой схватке; современные историки высказывают предположения, что всё могло быть кончено в полчаса.

Отстоявшим свою землю

Именно на Куликовом поле Московское княжество доказало свою состоятельность и как государство, и как центр сплочения русских земель. Центробежный маховик усобиц, закрученный со времён Ярославичей (на детях Мудрого князя природа очевидно хорошенько так отдохнула), завертелся в обратном направлении. Где дипломатией, где силой, где по общему согласию Москва стала собирать раздробленную Русь. Это началось там, на Куликовом. Веками потомки помнили об этом. Даже не особо жаловав-

ший русские древности Пётр Великий заботился о сохранности поля и его окрестностей. Государь, контролируя строительство шлюзов на Иван-озере, заодно распорядился поставить клейма на все деревья куликовской Зелёной дубравы — дабы никто не посмел их вырубать. В этой самой дубраве стоял засадный полк Боброка...

В середине XIX века появился и памятник. Это даже не селение, это урочище — Красный холм. Здесь когда-то раскинул свой шатер Мамай; теперь этот небольшой приго-

Колонна Дмитрия Донского на Красном холме: синтез изящества и монументальности

рок — место русской воинской славы. Изящная пятиярусная колонна, увенчанная церковной главкой, поставлена по проекту знаменитого архитектора А.П. Брюллова. Он известен как автор, например, здания Главного штаба в Санкт-Петербурге и Пулковской обсерватории. Ещё более знаменитый художник К.П. Брюллов приходился ему братом. Торжественное открытие памятника, чьё строительство заняло много лет (уже утверждённый проект долго не принимали к производству), состоялось 8 сентября 1850 года, в день 470-летия Куликовской битвы. Монумент получилась действительно внушительным, особенно когда видишь чугунную тридцатиметровую колонну, как бы

выплывающей в просвете между деревьями аллеи. Местным жителям памятник полюбился сразу. Вокруг него стали устраивать народные гулянья.

Примерно в то же время родилась идея возвести на Красном холме храм во имя Сергия Радонежского, благословившего Дмитрия Донского на битву с татарами. Но на её воплощение ушло почти столетие. Автором проекта был академик архитектуры А.В. Щусев, которого чуть позже будет известен как создатель московского Казанского вокзала и мавзолея Ленина. Заложили храм в 1913-м, а достроили аккуратно в 1917 году. Освящали церковь вообще уже после Октябрьской революции.

Это строение, как впрочем, и большинство проектов Щусева, весьма необычно: ещё бы, ведь каждую свою работу архитектор воспринимал как своего рода творческий манифест. Вот и в храме Сергия Радонежского он соединил две необычные боковые башенки (увенчанные чем-то наподобие шлемов древних воинов) с традиционно-русским объёмом церкви, добавил новгородско-псковскую звонницу наподобие боевого хода в крепости...

Вскоре после возведения церкви люди стали считать Красный холм местом поистине святым, где никакие злые силы не могут «достать» человека. Гремели революционные

Храм Сергия Радонежского — это и величественный памятник русским воинам, и церковь с невероятной атмосферой. Ей меньше ста лет, но в ней уже буквально всей кожей ощущаешь, насколько намолено это место

бои и стройки, крушили храмы воинствующие безбожники, а здесь время словно остановилось — и сама Земля, кажется, чуть замедлила своё беспокойное вращение. Когда находишься здесь, тебя словно окутывает ощущение спокойствия

и безопасности. Это действительно так — даже во время Великой отечественной войны, когда в этих местах шли ожесточённые бои, чудесным образом ни один снаряд не попал, например, в колонну Дмитрия Донского...

Назад в Бобренево

Как далеко могут увести воспоминания! Какие думы навеивает здешнее тихое спокойствие! Но вернёмся же с границ Дикого поля назад на земли Московии.

Мы в стенах Бобренева монастыря, и значит, воевода Боброк-Волынский своё слово, данное в Коломне перед Куликовской бит-

вой, сдержал. Обитель стала ещё одним памятником великой битве. По крайней мере, так гласит народное предание. Скептики, правда, считают, что «Бобренево» едва ли может быть притяжательным от «Боброк», и записывают в основатели обители некоего боярина то ли Бобрынню, то ли Бобруху, а то и

ХРАМ

раскаившегося разбойника Бобрена (ох уж эти кающиеся разбойники! Послушать легенды — так они чуть ли не каждый второй русский монастырь основали). Другие историки говорят в пользу Бобрена: в XIV веке строительство белокаменного храма требовало личного княжеского участия, а такой храм, по данным археологии, в монастыре в указанную пору был...

Так или иначе, монастырь действительно был основан через год после Куликовской битвы — в 1381 году, и в нём действительно с тех самых времён и до наших дней молятся за упокой воинов, павших на берегах Дона и Непрядвы.

В давние времена Бобрена выполнял роль сторожа Коломны. Стоящий чуть в стороне от города, он должен был предупреждать жителей о приближении врага, чтобы те успели разобрать наплавной мост через Москву-реку. Оставшемуся на том берегу монастырю после этого следовало обороняться в одиночку, скрывая неприятеля. Пусть вас не вводит в заблуждение чисто декоративная ограда — её построили в самом конце XVIII века в популярном тогда псевдоготическом стиле, архитектором называют чуть ли не самого Матвея Казакова. А почему нет? Строил же он похожие готические башенки для коломенского Голутвина монастыря.

*Собор Рождества Пресвятой Богородицы в Бобренов монастыре.
Классика русской провинциальной архитектуры второй половины XVIII века*

Фёдоровская церковь — уже стилистика середины XIX века. Но столетняя разница если и заметна специалистам, не вызывает отторжения. Храмы, как родные братья, вписались в монастырскую панораму

Бобренев монастырь был богатым и известным, пока в том же XVIII веке не случилось несчастье — попал под секуляризацию Екатерины II и был выведен за штат. Это означало остаться и без землевладения, и без государственного финансирования, проще говоря — крах. Два десятка лет обитель прозябала на грани, пока её не спас епископ Коломенский Афанасий (Иванов) — около 1790 года он объявил монастырь своей летней резиденцией. Началось возрождение.

Но Преосвященному Афанасию суждено было стать последним Коломенским владыкой. В 1799 году епархию закрыли, кафедру перенес-

ли в Тулу. А коломенские монастыри... «укрупнили», как мы бы сейчас сказали. Бобренев приписали к Голутвину, причём таким «хитрым способом», что «в былом Бобренева монастыре теперь только один иеромонах, а послушников никого; а Голутвин монастырь пользуется его землею и доходами», как подметил митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин). Именно он в 1802 году распорядился исправить несправедливость, и Бобреневу монастырю суждены были ещё сто лет процветания.

Октябрьская революция нанесла по обители «удар замедленного действия». В 1917–1918 годах монастырь грабили, в начале 1920-х

ХРАМ

вроде бы распорядились закрыть — но как-то «не до конца»: в братском корпусе продолжали жить некоторые монахи, они лечили больных и совершали службы. Церкви Бобренева закрылись в 1930 году, и с тех пор в обители размещались совхозное общежитие, склад минеральных удобрений, гараж (причём склад и гараж ничтоже сумняшея устроили прямо в храмах) и, наконец, свалка. Причём наряду с мусором в святое место догадались свозить... падежный скот. Что совсем странно — так это то, что если не архитектурная, то как минимум

историческая ценность Бобренева монастыря признавалась всем научным сообществом, а простой, казалось бы, вопрос — вывезти свалку в более подходящее место — понимания у властей не находил... Вернули обитель верующим только в 1991 году, но злоключения не закончились: восстановление шло медленно, а тогдашний настоятель впал в экуменизм и в итоге перешёл в католичество. Лишь на рубеже веков, при новом игумене Игнатии Жидкове (недавно почившем), произошло истинное возрождение монастыря.

Душевное прощание

— Вы подождите, я сейчас батюшку позову, — мы так увлеклись созерцанием монастыря, что даже не обратили внимания, что наш добрый охранник всё это время оставался рядом с нами. — Он вам и храм откроет, к иконе подойдёте...

И сразу идёт к дверям братского корпуса, звонит. Появляется приветливый молодой монах, открывает нам церковные двери. Проходит внутрь, становится на колени перед иконой в резном напольном киоте, земной поклон, деликатно целует образ. Это — список чтимой Фёдоровской иконы Богоматери. Интересно, что он не писанный, а... печатный. Да-да, типографским способом. Рассказывают, что

некой москвичке было видение — пожертвовать для Бобренева монастыря Фёдоровскую икону. Женщина выполнила поручение свыше, насколько позволяли возможности и средства. Но, как и хранящийся в Костроме оригинал, «типографская» икона вдруг оказалась чудотворной. Молитва перед ней утешает в печали, помогает укрепить семью и избавляет от бесплодия. Говорят, Фёдоровская спасла многих отчаявшихся от самоубийства. Коломенцы почитают свою икону, приезжают к ней и из других городов. Сама церковь очень уютная, тёплая, каким и подобает быть православному храму. Не иначе, духовный

свет святого образа, излучаемое им тепло и добро передаются всему окружающему...

— Сами вы откуда? Кем работаете? — интересуется монах.

Рассказываем, что из Москвы. Робко добавляем, что журналисты — почему-то становится совестно говорить об этом монаху. Но наш собеседник — человек без предубеждений, он расспрашивает о том, что привело нас в Коломну, кивает, когда узнаёт, что мы путешествуем по старинным

русским городам... А на прощание дарит открытки с видом монастырского собора.

В Коломну приезжаем на невероятном душевном подъёме, с полным ощущением того, что прикоснулись к чему-то действительно священому. Удивительное это место — Бобренев монастырь. Удивительные люди. Именно в таких местах понимаешь, что означают слова, произносимые нами порой на автоматизме, без должного осознания: Богом отмеченный.